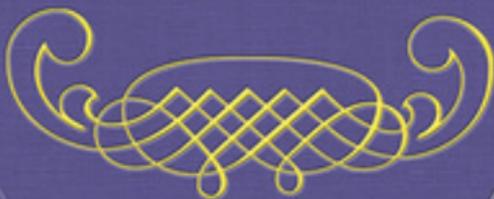

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Литературные успехи Г. И. Успенского

«Однажды летом Глеб Иванович посетил мою деревенскую квартиру близ города Черни Тульской губернии. Переступив порог, он с неподдельным восторгом воскликнул:

– Боже мой, как у тебя хорошо!.. Экая прелесть!.. Ну, брат, ты поистине можешь назваться счастливейшим из смертных...»

**Николай Васильевич
Успенский
Литературные успехи Г. И.
Успенского**

Отец Глеба Ивановича ревностно оберегал будущего даровитого писателя от знакомства с бытом простого народа, воспитывая его как настоящего барича, которому строго-настрого внушалось не заводить знакомства с семинаристами, мещанами, тульскими оружейниками, а пуще всего с мужиками. Ему предназначалась блестящая карьера «палатского» сановника, который по сущей правде мог бы сказать своей душе: «Яждь, пей и веселись!». Но вышло наоборот: барство во всех его видах и формах не пришлось Глебу Ивановичу по душе. Лишь только он достиг юношеского возраста, все его симпатии стали неудержимо клониться на сторону простой деревенской жизни, изучению и художественному воспроизведению которой он посвятил все свое оригинальное дарование, достигшее своего апогея в произведениях: «Нравы Растеряевой улицы» и «Власть земли».

Однажды летом Глеб Иванович посетил мою деревенскую квартиру близ города Черни Тульской губернии. Переступив порог, он с неподдельным восторгом воскликнул:

– Боже мой, как у тебя хорошо!.. Экая пре-

лесть!.. Ну, брат, ты поистине можешь назваться счастливейшим из смертных... Вон гуси плывут по реке... Я как-то видел гусей в Петербурге на дворе, где ни единой капли воды не было... Ты не можешь себе представить этих покрытых какой-то сажей несчастных птиц. Я уж думал, глядя в окно, не пингвины ли это какие, о которых так подробно повествует Дарвин... А это, скажи, пожалуйста, кто идет по лугу? – внезапно обратился ко мне с вопросом дорогой гость, глядя в растворенное окно.

– Наш причетник.

– Нельзя ли зазвать его сюда да побеседовать... Небось, водки нужно?

– Устроим все как следует... Эй! Софроныч! Заходи сюда...

– Это кто же такие будут? – входя в мою комнату и указывая на Глеба Ивановича, спросил меня причетник.

– Рекомендую, мой двоюродный брат, сын известного вам делопроизводителя палаты государственных имуществ.

– Боже праведный! Да неужели это сынок Ивана Яковлевича, моего незабвенного благо-

детеля, который помог мне выдать старшую дочь за волостного писаря...

– Ну, будет об этом толковать!.. Вы лучше расскажите, куда ходили, что видели, слышали?.. Не угодно ли водочки?

– Спаси вас Царица Небесная!.. Ходил я в волостную насчет загону... Никакого толку не вышло... Было одно только перекобыльство... с позволения вашего сказать...

Глеб Иванович разразился неудержимым хохотом и, отозвав меня в соседнюю комнату, сказал:

– Уступи мне это слово...

– Какое? – изумился я.

– «Перекобыльство». Мне хочется вставить его в диалог своих героев...

– Пользуйся им, сколько угодно, тем более что оно мне не нравится...

В это время причетник с тревожным видом известил нас:

– Господа! Ради самого Бога, спрячьтесь куда-нибудь... Сюда идет сам атаман-разбойник!.. Он вам покою не даст...

– Какой такой атаман?

– Зарешенный дьякон... из села Голени-

щей... пьяница – не накажи Господь! Он всех своих родных поголовно в смятение привел...

Вдруг в передней раздался могучий бас:

– Хозяину дома сего – здоровья, душевного спокойствия и во всем благого поспешения...

– Пойдем, пожалуйста, посмотрим, что за личность, – радостно проговорил Глеб Иванович, как ребенок, которому предстояла возможность увидеть живого льва или тигра.

Едва мы вступили в зал (широкая комната со скрипучим полом), как перед нашими глазами предстала колоссальных размеров высокая фигура с вклокоченными волосами и опухшими глазами, одетая в засаленный темный подрясник.

– Считаю долгом аттестовать себя благородным лицам, – продолжал незнакомец, – отрешенный от должности сельского дьякона вследствие злокозненных ухищрений местного благочинного Иоанн Златоверховников; некогда получал за чтение Апостола на свадьбах по двадцать пять рублей, одевался в порфиру и виссон и, как евангельский богач, говорил самому себе: «Раззорю житницы моя и большия созижду»... Но, между прочим,

провидению угодно было допустить, чтобы злоухищрения благочинного села Голенищей превозобладали над моей судьбой...

– Вот тип-то!.. – шепнул мне Глеб Иванович. – Послушай... Отдай мне его...

– Сделай милость!.. Только я недоумеваю, каким образом я преподнесу тебе этот презент!..

– А вот каким образом: ты отправляйся на охоту... (ведь у тебя есть ружье) или куда-нибудь гулять... хоть в Чернь... а я займусь этим индивидуумом...

– Как бы тебя этот индивидуум не уколошил в пьяном виде?..

– Волков бояться – в лес не ходить...

– Bravo! – сказал я и, вскинув ружье на плечо, вышел из своей квартиры, оставив с глазу на глаз русского Брема с хищным животным, которое предназначалось быть возведенным «в перл создания»...

Возвратившись с охоты, я увидел моего гостя сидевшим за некрашеным столом в переднем углу и занятым письменной работой.

– Не помешал я тебе, Глеб?

– Напротив, я тебя жду не дождусь... От

скуки заказал хозяйке самовар и принялся рыться в твоих бумагах... Ты уж извини... Мне ужасно понравилось начало твоего рассказа под названием: «Сцены на постоялом дворе»... Я никак не мог удержаться, чтобы не продолжать его... Вот прочти, что я написал...

Я просмотрел сценку, начерченную мастерским пером Глеба Ивановича, и дружески пожал ему руку.

– Теперь и ты помоги мне, – сказал он, – у меня в одной повести должны разговаривать мещане... Что ты будешь делать... Никак не могу справиться с жаргоном этих господ...

Я немедленно исполнил желание Глеба Ивановича, и мы приступили к чаепитию...